

Хабибуллина Алсу Зарифовна, Нагуманова Эльвира Фирдавильевна

ДИАЛОГ И КОММУНИКАЦИЯ В ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКЕ АДЕЛЯ КУТУЯ (20-30 ГГ. XX ВЕКА)

В работе впервые поставлена проблема диалога и междисциплинарной коммуникации в критических статьях известного татарского писателя Аделя Кутуя в 20-30-е гг. XX века. В основе диалогического понимания междисциплинарных отношений в статье А. Кутуя "Влияние русской литературы на Г. Тукая" (1928) раскрывается идея равноправия национальных литератур, творческого характера восприятия Тукаем произведений русских авторов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/2-1/18.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 2(56): в 2-х ч. Ч. 1. С. 72-74. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/2-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

11. **Топоров В. Н.** «Бедная Лиза» Карамзина. Опыт прочтения. М.: Издат. центр РГГУ, 1995. 551 с.
12. **Троицкий Ю. Л.** Эпистолярный дискурс в России XIX века: пощечина, розыгрыш, дуэль // Традиция и литературный процесс. Новосибирск: Изд-во СО РАН; Научно-издательский центр ОИГГ СО РАН, 1999. С. 460-469.
13. **Фрик Т. Б.** Эпистолярный Н. М. Карамзина сквозь призму образов автора и адресата // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 1. Ч. 2. С. 198-201.
14. **Шаврыгин С. М.** Жанровое своеобразие Н. М. Карамзина «Бедная Лиза» // Карамзинский сборник. Повесть Н. М. Карамзина «Бедная Лиза»: проблемы изучения и преподавания. Ульяновск: Изд-во УлГПУ, 1999. С. 17-28.
15. **Шмид В.** Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.

A LETTER IN POETIC AND PROSAIC WORKS BY N. M. KARAMZIN

Frik Tat'yana Borisovna, Ph. D. in Philology
Tomsk Polytechnic University
tfrik@tpu.ru

The article is devoted to the problem of defining the specificity of existence of an epistolary genre in the heritage of N. M. Karamzin. The epistolarity is considered as an integral characteristic of the Karamzin creative method. On the basis of the analysis of the writer's poetic and prosaic works the conclusions are made about the forms of manifestation of epistolarity, their main functions, and also the character of interconnection of the letter as a literary form with a real epistolary practice of N. M. Karamzin.

Key words and phrases: epistolarity; letter; message; epistolary genre; Nilolay Michailovich Karamzin; a writing character.

УДК 821.16; 82.09

В работе впервые поставлена проблема диалога и межлитературной коммуникации в критических статьях известного татарского писателя Аделя Кутуя в 20-30-е гг. XX века. В основе диалогического понимания межлитературных отношений в статье А. Кутуя «Влияние русской литературы на Г. Тукая» (1928) раскрывается идея равноправия национальных литератур, творческого характера восприятия Тукаем произведений русских авторов.

Ключевые слова и фразы: диалог; коммуникация; русская литература; татарская литература; читатель.

Хабibuллина Алсу Зарифовна, к. филол. н., доцент
Нагуманова Эльвира Фирдавильевна, к. филол. н., доцент
Казанский (Приволжский) федеральный университет
Alsu_Zarifovna@mail.ru; ehlviran@yandex.ru

ДИАЛОГ И КОММУНИКАЦИЯ В ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКЕ АДЕЛЯ КУТУЯ (20-30 ГГ. XX ВЕКА)

В настоящее время, когда происходят значительные изменения в области взаимодействия разных литератур и языков России, все чаще в компаративистике обсуждаются вопросы межлитературного диалога и коммуникации.

В работе Я. Г. Сафиулина о межлитературной коммуникации проводится идея о том, что «коммуникация тяготеет к деконтекстуализации литературного произведения, к освобождению его от автора, от связей со временем написания, от последующей собственной истории» [4, с. 26]. Деконтекстуализация также оказывает противоречивое влияние на взаимоотношения разных литератур в воспринимающем (читательском) сознании, т.к. «фразные литературы, отлученные от своих национальных контекстов, легче контактируют в одном пространстве, оказываются более простыми переходы от одной из них к другой» [Там же]. Вместе с тем деконтекстуализация расширяет поле того общего, что возможно в разных литературах, усредняет и упрощает это общее.

Явление коммуникации во многом противостоит межлитературному диалогу, который, в отличие от первой, способствует обмену идеями, образами, художественными формами и другими эстетическими ценностями. «В диалоге – признание каждым из его участников другого (иного, чем он сам) и совместный путь к знанию, смыслу, не обязательно завершающийся согласием» [Там же, с. 23].

Рассмотрим, как на материале татарской литературной критики находит проявление коммуникация и межлитературный диалог. В качестве фактического материала обратимся к статье А. Кутуя «Влияние русской литературы на Г. Тукая» (1928), а также к его юбилейным работам, написанным в 30-е гг. XX в., которые посвящались личности и творчеству Лермонтова.

Следует отметить, что в свете ключевых понятий современной компаративистики – межлитературный диалог и коммуникация – творчество А. Кутуя не исследовалось вообще; также мало изученным остается вопрос о специфике восприятия им русской литературы, как в его художественном творчестве, так и в критике.

Внимание А. Кутуя как критика к русской литературе начинается в 20-е гг. XX в. Необходимо отметить, что к этому времени социологическая тенденция в литературе еще не стала определяющей, что позволило ему, как и многим татарским писателям, создавать творческие, свободные от идеологических установок, работы. К ним относятся критические оценки Г. Ибрагимова, Ф. Бурнаша, Х. Вали.

Так, в статье «Влияние русской литературы на Г. Тукая» А. Кутуй, опубликованной в журнале «Безнең юл» / «Наш путь» (*здесь и далее в статье перевод на русский язык выполнен авторами – А. Х., Э. Н.*), раскрывается важнейший аспект межлитературного диалога – усвоение Тукаем творчества Пушкина и Лермонтова. Хотя Кутуй и исследует известную проблему «влияния» русской литературы на национальную, она не рассматривается здесь в свете известных коммуникативов, как, например, «любовь к родине», «свобода», «борьба», «справедливость» и т.п., которые были весьма устойчивыми и повторяющимися в его оценках в 30-х гг. XX в. Напротив, в данной статье татарского критика внимание к Тукаю расширяется от выявления различных сторон влияния – подражание, усвоение, использование – к теоретическим вопросам *диалога русской и татарской литературы*.

Так, в исходной части своей работы Кутуй приводит целый ряд примеров, доказывающих благотворное воздействие русской классики на татарских писателей и драматургов. В частности, он пишет о том, что драма «Неравные» Фатиха Амирхана была заимствована из пьесы Чехова «Чайка», «Юлсызлар» Гаяза Исхаки из «Детей Ванюшина» С. Найденова. Кутуй также обнаруживает связь творчества Мажита Гафури с произведениями Некрасова. Все это, по мнению критика, не исследовано до сих пор.

Такая диалогическая направленность работы Кутуя непосредственно усиливается в исследовании переводов Тукая произведений русской литературы, его подражаний (таклид) стихотворениям Пушкина и Лермонтова. При этом здесь они рассматриваются не сами по себе, как замечательные образцы тукаевского творчества, а в контексте жизни татарской литературы начала XX в. Кутуй пишет: «Он [Тукай], как только начал знакомиться с русской литературой и в переводах и в оригиналах, очень быстро изменил стиль и язык. Избавившись от влияния турецкой литературы, он поддался влиянию русской классики. <...>

Только нужно отметить, что Тукай не подражал ни одному русскому писателю, может быть, он брал то, что было близко по духу, его внутреннему миру, жизни татарского народа, то, что произвело на него впечатление. Выбрав понравившееся, заново создавал свое» [2, б. 21].

Как видно из сказанного, А. Кутуй в оценке творчества Тукая смог достаточно тонко уловить диалогический «механизм» межлитературного взаимодействия, не возвышая при этом ни одну из национальных литератур. Напротив, он старался достаточно объективно и одновременно с пафосом восхищения раскрыть как талант Пушкина и Лермонтова, так и Тукая, сумевшего на родном языке передать все богатство формы и содержания произведений русских классиков. При этом в его статье выделяются разные формы межлитературных взаимодействий, проявившихся в поэзии Г. Тукая: *таклид* / подражание, *үзләштерү* / усвоение, *файдалану* / использование.

Иная ситуация складывается в отношении критических статей Кутуя о русской литературе, которые создавались в 30-е гг. XX в.

В 1939 г. на страницах газет «Кызыл Татарстан» / «Красный Татарстан», «Яшь ленинчы» / «Молодой ленинец», журналов «Безнең юл» / «Наш путь», «Азат хатын» / «Освобожденная женщина», «Совет әдәбияты» / «Советская литература» появляются статьи и очерки А. Кутуя о Лермонтове, посвященные 125-летию русского классика. Среди них особое место занимают статьи: «М. Ю. Лермонтов», «Хикәятче Лермонтов турында» / «О Лермонтове как рассказчике» и др.

В данных публикациях татарского критика заметны две главные тенденции: социологизм и коммуникация. Последняя, возникшая под воздействием утвердившегося в литературе и эстетике соцреалистического канона, определила то *общее* в рассмотрении разных литератур, что нивелировало и делало несостоятельным саму идею своеобразия одной литературы (в нашем случае – татарской), по сравнению с другой – русской литературой. Эти две тенденции связаны между собой, а их взаимодействие помогает лучше понять жизнь разных национальных литератур в один из наиболее противоречивых этапов отечественной истории – в 30 гг. XX в.

Уже в самом начале своих юбилейных работ («М. Ю. Лермонтов», «О Лермонтове как рассказчике») Кутуй сравнивает поэзию и жизнь Лермонтова с Пушкиным, тем самым редуцируя представление о Лермонтове как уникальном и оригинальном поэте русской литературы. Такое сравнение с Пушкиным является повторяющимся, что делает восприятие творчества Лермонтова татарскими читателями более *монологичным*, исключая возможность понимания главных идей его произведений в свете самостоятельных от Пушкина влияний. К примеру, в статье «О Лермонтове как рассказчике» Кутуй пишет о Пушкине, как великом предшественнике Лермонтова. Их связывает одно время, одни идеи и мотивы творчества. Лермонтов, по словам Кутуя, появляется в литературе, подобно взорвавшемуся солнцу [3, б. 3].

Такое же сравнение находим в юбилейной статье «М. Ю. Лермонтов», в которой говорится о сходстве судьбы двух поэтов [1].

На наш взгляд, подобное сравнение не было случайным в татарской критике 30-х гг. XX в. Во многом оно соответствовало одной из устойчивых в советской литературе линий мифологизации поэтов как жертв царизма. По-своему это проявилось и в работах А. Кутуя.

Выравнивание Лермонтова с Пушкиным в оценках Кутуя продолжалось и на материале анализа творчества татарского поэта Тукая как носителя свободолобивых идей русских классиков. Однако в отличие от оценки, которую Кутуй продемонстрировал в 1928 г., а также от статей других татарских критиков 10-20-х гг. (Ф. Амирхана, Г. Ибрагимова), теперь такое сравнение носило нормативный, односторонний, а не диалогический характер.

Данная коммуникативная тенденция во многом объясняется идеей русификации, а также сложившейся идеологической схемой, которая легла в основу разработки в татарской критике большой темы «Тукай и русская литература / культура» [5, с. 307-308].

Тукай же, в этом социологическом контексте, стал рассматриваться как провозвестник «советского патриотизма», как «интернациональный поэт». Как писал М. Фридерих, «теперь уже Тукай не определялся как “эхо татарской жизни, татарского сердца”, как это было сделано в 1918 г. Из публикаций о нем, которые

увидели свет со второй половины 1930-х гг., создается впечатление, что он скорее был “эхом” великих русских поэтов и мыслителей в татарской среде» [Там же, с. 307].

Так, в статье «М. Ю. Лермонтов» (1939) Кутуй пишет: «Лермонтов ижатында рус халкының иң тирән фикерләре һәм иң жылы тойгылары чагыла. Пушкин, Шевченко, Тукай шикелле Лермонтов та халык әдәбиятын нык ойрәнә. <...> Аның [Лермонтовның] патриотизм тойгылары белән сугарылган әдәби жәүһәрләре СССР халыкларының культура фондына Пушкин, Гоголь, Некрасов, Чернышевский, Толстой, Горький, Шевченко, Тукай эсәрләре белән бар рәттән иң кыйммәтле эсәрләр булып исәпләнәләр» [1, б. 8-9]. / «В творчестве Лермонтова нашли отражение самые глубокие мысли и самые теплые чувства русского народа. Так же, как Пушкин, Шевченко, Тукай Лермонтов серьезно изучает народную литературу. <...> Его [Лермонтова] литературные шедевры, пронизанные патриотическими чувствами, считаются самыми ценными произведениями в культурном фонде народов СССР, наряду с произведениями Пушкина, Гоголя, Некрасова, Чернышевского, Толстого, Горького, Шевченко, Тукая».

Как видно из приведенного фрагмента, выравнивание Тукая с классиками русской и других национальных литератур препятствовало пониманию межлитературного диалога, в частности, изучению и объективной оценке того, как, например, в тукаевском творчестве жила русская литература.

Своеобразным исключением стала статья А. Кутуя «Лермонтов и татарские поэты» (1939), в которой творчество татарских авторов – Дәрдеменда, С. Рамиева, Тукая – исследуется не с точки зрения социологических коммуникативов, а в аспекте межлитературного диалога. Такой характер восприятия приводит Кутуя к интересным наблюдениям и выводам, позволяющим понять, как творчество Лермонтова влияло на татарскую литературу начала XX в.

Вместе с тем коммуникация в татарской критике 1930-х гг. стала очевидной, ясной тенденцией, чему также способствовали переводы стихотворений Лермонтова, которые создавались в это время. Так, рядом со статьей А. Кутуя «О Лермонтове как рассказчике» в газете «Кызыл Татарстан» поместились перевод на татарский язык известного стихотворения Лермонтова «Парус» / «Жилкән», выполненный А. Ерикеем, и лирическое произведение Г. Халика Садрыя «Яз эзләуче шагыйрьгә» / «Поэту, который ищет весну», которое в юбилейные дни посвящалось Лермонтову. В последнем, как и в статье А. Кутуя, говорилось о том, что Лермонтов – образец таланта и выдающегося мастерства для многих татарских поэтов: Тукая, Такташа, Мажита [Гафури] и др. Он, к тому же, вдохновляет своим творчеством на борьбу. Эти идеи стихотворения вполне соответствовали духу времени и, прежде всего, нормативной поэтики соцреализма.

Таким образом, идеи, обозначенные Кутуем в статье, по-своему транслировались в художественный перевод и юбилейное послание, усиливая ее коммуникативное, однонаправленное содержание. Выравнивание Лермонтова и Тукая, а также других татарских поэтов не позволяло татарскому читателю участвовать в межлитературном диалоге как объективной составляющей процесса взаимодействия разных национальных литератур.

Справедливо утверждать, что подобная коммуникация вела к преодолению и сглаживанию эстетической дистанции, препятствующей формированию «нового» горизонта ожидания читателя. Татарский читатель в таком случае лишался возможности опереться на собственный литературный опыт и выразить эстетическую интерференцию в своей рецепции «чужого».

Таким образом, критическая деятельность А. Кутуя в 20-30 гг. XX в. ярко демонстрирует своеобразную траекторию его размышлений: от восприятия произведений русских классиков в контексте проблемы межлитературного диалога к коммуникации, определившей поиск общего, «вненационального». Одновременно в этом движении происходили нивелирование и утрата ценных представлений о неповторимости, уникальности татарской литературы. Идеи же соцреализма, утвердившиеся в советской литературе и критике начиная с 30-х гг. XX в., лишь усиливали это начало.

Список литературы

1. Кутуй Г. М. Ю. Лермонтов // Азат хатын. 1939. № 19. Б. 8-9. (На татарском языке).
2. Кутуй Г. Рус әдәбиятының Г. Тукайга тәэсире // Безнең юл. 1928. № 3/4. Б. 20-22. (На татарском языке).
3. Кутуй Г. Хикәятче Лермонтов турында // Кызыл Татарстан. 1939. 6 октябрь. (На татарском языке).
4. Сафиуллин Я. Г. Коммуникация и литература // Межкультурная коммуникация: филологический аспект. Словарь-справочник: учебно-методическое пособие. Казань: Отечество, 2012. С. 15-31.
5. Фридерих М. Габдулла Тукай как объект идеологической борьбы. Казань: Татар. кн. изд-во, 2011. 343 с.

DIALOGUE AND COMMUNICATION IN THE LITERARY CRITICISM OF ĞÄDEL QUTUY (THE 20-30S OF THE XX CENTURY)

Khabibullina Alsu Zarifovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Nagumanova El'vira Firdavil'evna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Kazan (Volga Region) Federal University
Alsu_Zarifovna@mail.ru; ehlviran@yandex.ru

In the work the issue of dialogue and inter-literary communication in the critical articles of the well-known Tatar writer Ğädel Qutuy in the 20-30s of the XX century is raised for the first time. At the heart of the dialogic understanding of inter-literary relations in the article by Ğädel Qutuy “The Influence of Russian Literature on Ğ. Tuqay” (1928) the idea of the equality of national literatures, the creative nature of the perception by Ğ. Tuqay of Russian authors’ works is revealed.

Key words and phrases: dialogue; communication; Russian literature; Tatar literature; reader.